

1997

Пейзаж после битвы

25 июля 1997 года союз «олигархов», заключенный в 1996-м накануне президентских выборов, рассыпался в прах. Медиамогаты Борис Березовский и Владимир Гусинский насмерть рассорились с владельцем «Норильского никеля» Владимиром Потаниным. Обида была чудовищна и непомерна. Крупный пакет акций государственной компании «Связьинвест» (монополиста на российском рынке телекоммуникаций) был продан в этот день на аукционе претенденту, который утверждал, будто просто выложил за него больше денег, а не тому, кто считал, что он по уже сложившемуся обычаю о покупке договорился.

Телевизионные компании, подконтрольные обиженным «олигархам», устроили выволочку председателю Госкомимущества Альфреду Коху. В защиту сделки выступили недавно пришедшие в правительство «молодые реформаторы» Анатолий Чубайс и Борис Немцов, которого Борис Ельцин публично провозгласил своим преемником. И тогда главной мишенью медиамогатов стало правительство «молодых реформаторов». Анатолия Чубайса и его товарищей обвинили в получении взятки в форме гонорара за ненаписанную книгу. Книга, впрочем, в 1999 году благополучно вышла. Но в 1997-м в результате скандала, раскрученного олигархическими СМИ вокруг «дела писателей», ее авторы были дискредитированы и изгнаны из правительства. Тем самым была сорвана последняя попытка Бориса Ельцина активизировать реформы и обновить власть. Намечившаяся было возможность постепенной трансформации «олигархического» капитализма, сложившегося в результате приватизации, в «капитализм с человеческим лицом» оказалась упущенной. Зато открылись перспективы для реванша той части номенклатуры, которая чувствовала себя обделенной при разделе государственной собственности.

Шокирующая терапия

После августовской революции 1991 года идея социализма, хотя бы и самого демократического, окончательно потеряла кредит доверия в российских правительственных кругах. Широкую популярность получили идеи классического либерализма, отрицавшего право государства на малейшее вмешательство в экономические процессы. Вместе с тем идеологи новой власти были убежденными «демократами». Возможность ограничения политических свобод они решительно отвергали, несмотря на то, что сочетание политической демократии с экономической свободой чревато коллизиями, с которыми в той или иной степени сталкиваются все бедные страны при проведении рыночных реформ.

Российские власти, увлекшиеся дележом союзного наследства и выморочного имущества КПСС, медлили с проведением реформ, что вызывало нарастающее недовольство в стране. Программу преобразований президент обнародовал только в конце октября на второй сессии V съезда народных депутатов РСФСР.

План включал три блока мероприятий: либерализацию, финансовую стабилизацию и приватизацию. Прежде всего единовременное введение свободных цен должно было ликвидировать товарный дефицит, определить рыночную стоимость товаров, сделав деньги универсальным средством платежей, запустить механизм рыночной конкуренции, заставить производителей бороться за деньги покупателя. Финансовая стабилизация должна была остановить инфляцию и привести к созданию устойчивой национальной валюты. Затем должна была начаться приватизация жилья и государственной собственности. Президент честно предупредил: «хуже будет всем», но рассчитывал на быстрый успех, обещая уже через полгода «снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года — стабилизацию экономики, постепенное улучшение жизни людей».

Программа реформ была разработана молодыми учеными-экономистами. Им же поручено было и проводить ее в жизнь. 6 ноября Борис Ельцин сформировал новое правительство совершенно необычного состава. Исполняющим обязанности председателя правительства президент, получивший дополнительные полномочия для проведения экономических реформ, назначил самого себя. Первым заместителем председателя и фактическим главой кабинета стал лидер «Демократической России» Геннадий Бурбулис, заместителями председателя пра-

вительства по экономической и социальной политике были назначены, соответственно, Егор Гайдар и Александр Шохин, Анатолий Чубайс также в ранге заместителя председателя правительства был поставлен во главе Государственного комитета РСФСР по управлению государственным имуществом.

Душой и идейным лидером правительства был Егор Гайдар. Тридцатипятилетний экономист-теоретик выступал решительным сторонником быстрых и радикальных перемен. Достаточно было, по его мнению, запустить рыночные механизмы, а «железная рука рынка» уже сама должна была не только привести к изобилию потребительских товаров, но и к структурным преобразованиям в народном хозяйстве, перекошенном в сторону военно-промышленного комплекса. Ускоренная приватизация, создание массы собственников, должна была решить не только экономические, но и политические задачи, обеспечив гарантии демократического развития страны. «Если собственность раздроблена между множеством владельцев, — утверждал Анатолий Чубайс в сентябре 1992 года, — ни один из них не имеет исключительного права и физической возможности командовать остальными... Это просто невозможно сделать: вся власть частного собственника над остальными людьми заключается в том, что он может (или не может) предложить потребителям лучшие условия, чем его конкуренты. В этом смысле рыночная экономика — это гарантия не только эффективного использования средств, ресурсов, основных фондов и так далее, но также и гарантия свободы общества и независимости граждан».

Реализация этой программы была, однако, серьезно осложнена политической борьбой, и результаты реформ оказались совершенно не теми, к каким стремились ученые-экономисты. Предполагай!, что в результате либерализации цены вырастут приблизительно в три раза. Исходя из этого предположения, было предусмотрено повышение на 70% заработной платы для работников бюджетной сферы, пенсий, стипендий и т.п. Разрыв в уровне зарплаток и цен хотя и был бы в таком случае довольно значительным, но не катастрофическим, и временное падение жизненного уровня воспринималось бы как естественная плата за расставание с «административно-командной системой». Однако цены, вопреки расчетам, немедленно подскочили в 10—12 раз, а к концу года — в 26 раз, и большинство населения оказалось за чертой бедности. Стремительная инфляция обесценила

вклады в Сбербанке, которые правительство не в состоянии было индексировать, отчего пострадали прежде всего старики-пенсионеры, долгие годы копившие «про черный день».

Верховный совет потребовал значительно увеличить расходы на ликвидацию «зазора» между ценами и доходами населения. Эта мера ставила крест на попытках правительства сверстать бездефицитный бюджет, без чего немыслима финансовая стабилизация, и угрожала срывом всей программы реформ. Это первое наступление Гайдару удалось отбить, сославшись на то, что увеличение бюджетного дефицита приведет к разрыву отношений с Международным валютным фондом, займы которого были оговорены жесткими условиями. А без займов МВФ страна уже через месяц оставалась без продовольствия.

В феврале правительство выступило с меморандумом об экономической политике на 1992 год. Предполагалось уже в марте освободить цены на энергоносители, снизить субсидии предприятиям и ликвидировать бюджетный дефицит. Либерализация цен на энергоносители и исчезновение дешевых правительственных кредитов ставили перед угрозой банкротства большинство промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Эта перспектива привела к изменению расстановки сил в парламенте. Прежнее большинство, сплотившееся ради борьбы за независимость от ретроградного союзного центра, распалось. Новые проблемы провели новые разграничительные линии. Гайдаровскую шокотерапию поддерживали около четверти депутатов съезда, половина выступала решительно против, четверть колебалась.

Борис Ельцин бросил весь свой огромный авторитет на поддержку гайдаровского курса. Конфликт парламента с правительством стал конфликтом с президентом. Против реформ и с резкой критикой политики президента выступил вице-президент Александр Руцкой. Его выступление 8 февраля на заседании Конгресса гражданских и патриотических сил стало сенсацией. Недавний лидер «Коммунистов за демократию» резко критиковал правительство с державно-националистических позиций.

Новая расстановка сил вполне обнаружилась в апреле на VI съезде народных депутатов. Съезд признал «ход экономической реформы неудовлетворительным в области социальной защиты граждан, инвестиционной, промышленной и аграрной политики, комплексности проводимых мероприятий».

В соответствии с буквой советской Конституции 1977 года Советы были органами неразделимой власти, совмещали законодательные и контрольно-распорядительные полномочия. Система кое-как функционировала только благодаря тому, что власть советов была фикцией, а сами Советы — лишь ширмой для партийного руководства. Съезд решил воплотить букву Конституции в жизнь. Результаты оказались катастрофическими. Первым делом съезд наделил себя правом вносить поправки в Конституцию и принялся перекраивать основной закон из соображений сиюминутной «политической целесообразности».

Благодаря контролю над Центральным банком Верховный совет получал могущественный рычаг воздействия на экономическую политику и уже летом 1992 года сделал ход, едва не сорвавший реформы вовсе и, во всяком случае, сообщивший им затяжной характер.

Предприятия, получив свободу, стали поднимать до небес цены на свою продукцию. Каждое повышение в одной отрасли влекло повышение цен в смежных отраслях, и далее по цепочке то же самое делали поставщики сырья, энергоносителей — возникал порочный круг. Предприятия утрачивали возможность расплачиваться с поставщиками, платить зарплату работникам и налоги казне.

Формально следовало банкротить нерентабельные предприятия. Но в условиях непрозрачной экономики неплатежеспособными оказывались даже заведомо высокоприбыльные нефтедобывающие предприятия. 28 июля председатель Центрального банка Виктор Геращенко распорядился предоставить дешевые кредиты государственным предприятиям для проведения взаимозачетов, чтобы разрубить узел неплатежей. Масса ничем не обеспеченных денег прилила в хозяйство. Промышленность была спасена от краха, а масса работников от безработицы. Верховный совет предпочел гиперинфляцию социальным осложнениям. Но программа «шокотерапии» была практически сорвана. Правительство вынуждено было вносить поправки в собственную программу и продолжать реформы в борьбе с Верховным советом. Впрочем, народу от этих борений легче не было — именно тогда родились крылатые слова «шок без терапии».

Центр тяжести реформаторской политики был перенесен на программу приватизации, которая должна была не только обеспечить промышленности «эффективного собственника», но и создать многочисленный «средний класс» акционеров приватизированных предприятий.

Обсуждались несколько вариантов приватизации. Один из них, предложенный еще в программе «500 дней», предполагал преобразование предприятий в акционерные общества и затем продажу акций «эффективным собственникам» после проведения тщательной подготовки и оценки. Однако людей, обладающих капиталами и опытом распоряжения ими, в России просто не было, а на западных инвесторов смотрели косо. Для предпродажной подготовки предприятий не было ни специалистов, ни времени. А на исполнение такой «правильной» приватизации требовалось минимум 15 лет. Правительство же торопилось ввести в законные рамки неудержимо идущий процесс «прихватазации» государственной собственности главным образом директорами казенных предприятий через «дочерние» кооперативы и «аренду с выкупом».

11 июля 1992 г. Верховный совет утвердил законы о приватизации. За основу была взята модель быстрой и бесплатной приватизации. Предприятия преобразовывались в акционерные общества, а граждане получали чеки — ваучеры, служившие средством для покупки акций. Номинал ваучера был назначен в 10 тыс. рублей. Цифра эта не означала ничего, кроме результата деления балансовой стоимости подлежащих приватизации предприятий на число жителей России. Однако с этим номиналом начали связываться преувеличенные ожидания. Главный «приватизатор» Анатолий Чубайс даже неосторожно посулил, что вскоре за ваучер можно будет купить две «Волги».

Программа была результатом борьбы четырех разнородных социальных групп, интересы которых должна была удовлетворить. В свою пользу старались обратить приватизацию, во-первых, члены трудовых коллективов, полагавшие, что фабрики должны принадлежать работникам; во-вторых, директора, которые управляли предприятиями и были по своему опыту и положению лучше всех, казалось бы, подготовлены к роли действительных хозяев; в-третьих, рядовые граждане, не работавшие на приватизируемых предприятиях, но претендовавшие на свою долю «общенародной собственности», и, наконец, новые предприниматели, уверенные, что только они и есть истинные «эффективные собственники».

Каждая группа получила свой шанс. Для трудовых коллективов была дополнительно предусмотрена «вторая модель» приватизации, предполагающая приобретение контрольного пакета акций предприятия его работниками на льготных условиях. Директора получили

«третью модель», позволявшую руководству предприятия, выступающему в качестве «инициативной группы», выкупить по символической цене 20% акций предприятия при согласии трудового коллектива. Все получили ваучеры, а новые предприниматели — возможность их купить (единственное существенное дополнение, внесенное в программу Анатолием Чубайсом; по первоначальному замыслу, принадлежавшему экономисту Виталию Найшулю, чеки должны были быть именными). Теоретически модель была действующей.

Однако целей своих реформаторы достигли только отчасти. К моменту завершения летом 1994 г. первого — чекового — этапа приватизации две трети ВВП России производились в негосударственном секторе экономики. Однако приватизация «по Чубайсу» породила и ряд изъянов в отношениях собственности. Три четверти промышленных предприятий оказались приватизированы по «второй модели», то есть их собственниками, обладавшими контрольным пакетом акций, стали трудовые коллективы, заинтересованные больше всего в повышении заработной платы, а не в развитии производства. Не возник и многочисленный «средний класс», который мог бы служить надежной социальной опорой новой конструкции государства. Владельцы ваучеров могли сами обменять их на акции предприятий, и те, кому это удалось, не остались внакладе, но таких было очень немного. Остальные вынуждены были прибегнуть к услугам чековых инвестиционных фондов. Предполагалось, что фонды, сосредоточивая у себя ваучеры, сформируют портфели акций промышленных предприятий, а граждане, ставшие владельцами акций ЧИФов будут получать дивиденды. Однако считанные единицы из 2000 возникших по всей стране ЧИФов превратились в устойчивые инвестиционные компании, а подавляющее большинство их бесследно исчезли, оставив доверчивых граждан с носом и обогатив собственное руководство, по позднейшей оценке Анатолия Чубайса, «неквалифицированное, а то и просто полууголовное». Не доверяя ЧИФам и не имея возможности купить непосредственно акции известных предприятий, многие владельцы ваучеров продали их по дешевке перекупщикам, действовавшим в интересах владельцев крупных капиталов.

В результате законодательной необеспеченности и торопливости вместо «народного капитализма» приватизация на практике открывала дорогу усиленной концентрации капитала в руках немногочисленной (по весьма приблизительным расчетам авторитетных экономистов —

не более 10 000 человек) группе оборотистых дельцов, тесно связанных с чиновным миром.

«Да, да, нет, да»

Падения производства и роста цен приватизация не остановила. За первые три квартала 1992 г. производство мяса и колбас сократилось на 30%, страна по большей части перешла на хлеб и макароны. Естественное недовольство «временными трудностями», конца которым было не видать, подпитывало разнообразную оппозицию.

Общественное мнение было глубоко возмущено тем, что новая элита, вступившая в борьбу с номенклатурой под лозунгами «борьбы с привилегиями» за идеалы социальной справедливости и построение общества «равных возможностей», оказавшись у власти, немедленно стала распоряжаться казенной собственностью, как своей частной. Освобожденная пресса смаковала подробности строительства находящихся у власти «демократами» шикарных дач и вселения председателя Верховного совета Руслана Хасбулатова в роскошную квартиру, предназначавшуюся некогда для семейства Леонида Брежнева. Генералы демократической гвардии, занимая высокие посты в системе государственного управления, входили в руководство коммерческих структур и банков, обеспечивая им льготные условия за счет «административных ресурсов».

Одновременно свертывались привычные формы общественного потребления, стремительно ухудшалось общедоступное медицинское обслуживание, большинство потеряло возможность пользоваться железнодорожным и авиационным транспортом. Не выдерживали и уходили из власти идейные «демократы первой волны». Газета «Известия», в эпоху перестройки — флагман демократической прессы, теперь убеждала читателей не ждать «нового светлого будущего» от «демократов от КПСС и их опоры — биржевиков, воротил теневого бизнеса, спекулянтов-перекупщиков и прочих уважаемых деловых людей». Нарастание социальных контрастов, вообще непривычных для России, в самых резких и неприкрытых формах, какие в массовом сознании связывались скорее с «банановыми» республиками, нежели с «процветающим Западом», уязвляли самолюбие. Страна явно становилась «державой второго сорта».

Коммунистическая оппозиция начинала смыкаться с «державной», образуя диковинный «красно-коричневый» альянс. На оппозиционных митингах алые коммунистические стяги мирно соседствовали с церковными хоругвями, а портреты государя императора Николая II — с изображениями его убийцы Ленина.

Естественным средоточием оппозиции правительственному курсу стал Верховный совет. Первая крупная схватка развернулась в декабре 1992 г. на VII съезде народных депутатов. Депутаты потребовали отставки Гайдара и правительства и наделили себя правом приостанавливать решения президента и правительства. Тогда Борис Ельцин с трибуны съезда обратился через головы депутатов непосредственно к гражданам России. Обвинив съезд в саботаже реформ и создании из Верховного совета «оплота консервативных сил и реакции», президент потребовал проведения всенародного референдума. Вопрос он предлагал только один: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу Съезда и Верховного совета или президенту России?» Огласив этот своеобразный ультиматум, Ельцин покинул съезд, предложив последовать за собой всем своим сторонникам, которых оказалось немного. Съезд в свою очередь принял обращение к гражданам России, в котором обвинил президента в превышении полномочий.

Отношения исполнительной и законодательной власти зашли в тупик. Временному разрешению конфликта способствовал председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. Благодаря его энергичному вмешательству лобового столкновения на сей раз удалось избежать. 14 декабря правительство возглавил пользовавшийся полным доверием «красных директоров» глава «Газпрома» Виктор Черномырдин, заявивший, что он «за рынок, но не за базар», но на деле продолжавший, хотя и менее энергично, мероприятия гайдаровского правительства.

Шаткий компромисс рухнул уже в феврале. На заседании президиума Кабинета министров 11 февраля Борис Ельцин решительно стал на защиту Гайдара. «Не могу согласиться, — заявил президент, — что экономические реформы в России пошли по худшему варианту. Они пошли по единственно возможному варианту». Причину того, что реформы потребовали больших жертв и не дали скорого результата, президент видел в «разногласиях между законодательной и исполнитель-

ной властями по вопросу ограничительной финансовой, денежно-кредитной политики». Законодателям было ультимативно предложено или дать возможность правительству проводить жесткий экономический курс, или провести референдум, на котором граждане решат, президенту или парламенту готовы они предоставить решающие властные полномочия.

Восьмой съезд народных депутатов России 13 марта наложил мораторий на проведение любых референдумов. Съезд провозгласил, что все власти должны руководствоваться Конституцией, но при этом сам легко менял конституционные нормы и, в частности, узаконил процедуру импичмента — отрешения президента от власти в случае нарушения им конституционных норм.

20 марта Ельцин объявил по телевидению о введении «особого порядка управления» до преодоления конституционного кризиса. Любые действия любых органов власти объявлялись недействительными и не имеющими силы, если они противоречили указам президента. В стране вводилось прямое президентское правление. Референдум о доверии властям назначался на 25 апреля.

Конституционный суд признал не соответствующими закону основные положения указа. Но и у противников президента не было решающего перевеса. Внеочередной съезд народных депутатов 29 марта, хотя и не смог инициировать процедуру отрешения главы государства от должности, принял постановление о проведении референдума 25 апреля, сформулировав вопросы таким образом, что три из четырех были направлены против президента. Граждан приглашали ответить:

1. *Доверяете ли Вы президенту РФ Б. Н. Ельцину?*
2. *Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом РФ и правительством с 1992 года?*
3. *Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента РФ?*
4. *Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Верховного совета РФ?*

Телевидение и радио, где большинство журналистов симпатизировали президенту, развернули пропагандистскую кампанию, призывая граждан на вопросы референдума отвечать «Да, да, нет, да». Всена-

родное голосование, однако, не принесло бесспорной победы ни одной из противоборствующих сторон. В нем приняли участие 64% граждан, обладающих правом голоса. Из них 58,7% выразили доверие президенту, и 53% одобрили политику президента и правительства. При этом 34 млн человек высказались за досрочные перевыборы президента, а 46,2 млн — перевыборы народных депутатов. Непосредственные «юридические последствия» могли иметь только два последних ответа и только в том случае, если бы переизбрания потребовало не менее 53 млн граждан, то есть простое большинство имеющих право голоса. Президент трактовал итоги всенародного волеизъявления как мандат на продолжение радикальных реформ. Оппозиция причислила неявившихся голосовать к своим сторонникам. При таком допущении большинство получалось за нее.

Глубокий раскол в обществе продемонстрировали первомайские демонстрации. В Москве их было две, колонна «конструктивной оппозиции» шла под синими профсоюзными знаменами, колонна «непримиримой» коммунистически-патриотической оппозиции двигалась под алыми стягами Фронта национального спасения и Трудовой России. Шествие «непримиримых» закончилось столкновением с милицией. В результате побоища на Калужской площади ранения получили более 600 человек (из них 205 — милиционеры, один из которых от полученных ран через несколько дней скончался).

Власть в стране оказалась парализована. Верховный совет отвергал все внесенные правительством законопроекты и приостановил действие указов президента, а от себя приготовил законопроект, ставивший средства массовой информации под контроль законодательной власти.

Летом обе противоборствующие стороны вооружились собственными проектами новой конституции. Конституционное совещание, созванное по почину президента, разработало проект Основного закона, делавшего Россию президентской республикой. Конституционная комиссия Верховного совета завершила разработку собственного проекта, в соответствии с которым Россия становилась республикой парламентской. Для его утверждения на 17 ноября был назначен созыв очередного съезда народных депутатов.

В этих обстоятельствах президент решился на крайний шаг. 21 сентября он огласил указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе». Указ прекращал полномочия Верховного совета и съезда на-

родных депутатов и назначал на 12 декабря выборы в новый законодательный орган — Государственную думу. В ночь на 24 сентября открылся X Чрезвычайный съезд народных депутатов РФ. Съезд полностью одобрил политическую линию Верховного совета. Вокруг Белого дома, где заседал съезд, на котором окончательно восторжествовали реставраторские — «красно-коричневые» элементы, стали группироваться вооруженные отряды экстремистов — Русского национального единства, Союза офицеров, казаков, военизированных отрядов авантюристов, получивших боевой опыт в молдавско-приднестровском конфликте. В ночь на 24 сентября вооруженные сторонники Верховного совета во главе с лидером Союза офицеров Тереховым совершили неудачный налет на штаб Объединенных вооруженных сил СНГ. Конфликт перешел в кровопролитие.

28 сентября здание Верховного совета было блокировано милицией. Предпринимались попытки примирить противоборствующие стороны. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин предложил «нулевой вариант» — одновременные перевыборы всех ветвей власти. Ельцин предложил собственный «нулевой вариант» (перевыборы президента через полгода после перевыборов парламента). Однако председатель Верховного совета Хасбулатов и вице-президент Руцкой заявили об отказе от каких-либо компромиссов с Ельциным и призвали ко всеобщей забастовке.

Примирить противников попытался патриарх Алексий II, попросивший дирекцию Третьяковской галереи выдать ему для молебна о примирении древнейшую икону Владимирской богородицы (после богослужения на сыром октябрьском воздухе у иконы XII века началось отслоение красочного слоя). Однако переговоры, проходившие 1—2 октября, потерпели крах, и 3 октября сторонники парламента приступили к насильственному свержению «антинародного режима». По призыву Александра Руцкого и генерала Альберта Макашова, их вооруженные сторонники прорвали милицейские кордоны, захватили близстоящее здание московской мэрии. Колонна грузовиков под коммунистическими кумачовыми и черно-желто-белыми монархическими знаменами, выкрикивая «Долой тель-авидение», двинулась на захват телецентра в Останкино. Взять телецентр, охраняемый спецназом, осаждавшим не удалось, но в результате перестрелки, завязавшейся при попытке штурма, погибло несколько десятков человек, в том числе случайных прохожих.

Телеканалы один за другим прекращали работу. В Кремле, куда вечером из загородной резиденции на вертолете возвратился президент, царила, по воспоминаниям Егора Гайдара, «атмосфера последнего заседания Временного правительства». На улице безраздельно господствовали «красно-коричневые». Войска не желали принимать участие в подавлении мятежа, имевшего вид народного восстания. Группа «Альфа» штурмовать Белый дом решительно отказалась. И тогда Егор Гайдар призвал своих сторонников выйти к зданию Моссовета на Тверской «для защиты демократии». Уже к ночи там собралось до 15 тысяч человек. Эта безоружная интеллигентная толпа разительно отличалась видом и настроением от бесчинствующих сторонников Руцкого и Макашова. И только при виде такого явного контраста войска склонились на сторону президента. Глубокой ночью 4 октября Борис Ельцин лично приехал в Министерство обороны, где Виктор Черномырдин проводил чрезвычайное заседание Кабинета министров. Министр обороны Павел Грачев лишь после долгих колебаний отдал приказ о применении танков, потребовав письменного распоряжения Верховного главнокомандующего.

С семи утра начался танковый обстрел Белого дома. К вечеру порядок в столице был восстановлен. По неполным официальным данным, погибли 150 человек. Всенародно избранный Верховный совет, ставший «угрозой демократии», был ликвидирован. Лидеры «демократов» утверждали, что «с фашизмом покончено», а гражданская война пресечена в зародыше, парализовавшее страну двоевластие закончилось. Предстоящие в декабре парламентские выборы и утверждение новой конституции, устанавливавшей четкое разделение властей, должны были убрать последние помехи на пути рыночных реформ и становления политической демократии.

Рождение «олигархии»

Выборы, однако, преподнесли властям неприятный сюрприз. По партийным спискам, на основании которых избиралась половина депутатов Государственной думы — нижней палаты нового российского парламента, выиграла Либерально-демократическая партия демагогаскомороха Владимира Жириновского (23% голосов против 16% у пропрезидентского «Выбора России» и 12% у КПРФ). По случаю

ожидавшегося триумфа гайдаровского «Выбора России» в Кремле было устроено грандиозное шоу. «Встреча нового политического года» транслировалась в прямом эфире. Торжество было испорчено: гости разбежались, сникшие ведущие едва дотянули программу до конца в полупустом зале. Один из участников — Юрий Карякин бросил прямо в микрофон: «Россия, ты одурела!»

Россия, разумеется, находилась в полном душевном здравии. Протестным голосованием граждане всего лишь выставили торжествующей власти свою оценку по «поведению» и «успеваемости». Успехи были неважные.

Регистрируемый официальной статистикой валовой внутренний продукт составлял около половины от уровня кризисного 1990 года, инфляция не унималась. Росло социальное расслоение. Доходы 10% наиболее обеспеченных граждан превышали доходы 10% наименее обеспеченных в 11 раз (в благоустроенных развитых странах этот фундаментальный показатель находится на уровне 6).

Впрочем полнота этих данных вызывает сильные сомнения. Жить действительно было трудно, но весьма значительная часть производства и доходов граждан не попадали в сводки Госкомстата. Доля «теневой экономики» достигала, по оценкам некоторых экспертов, 40% валового внутреннего продукта. Наличные (в пору высокой инфляции — долларовые) и неденежные формы расчетов, господствующие в этой сфере экономики, приводили к тому, что государственный бюджет хронически недополучал налоговых поступлений. Дефицит достиг гигантских размеров. Государство задерживало выплату своих долгов. Действительно в отчаянном положении оказались бюджетники — работники государственных предприятий, военнослужащие, учителя, пенсионеры.

Признав, что ваучерная приватизация не привела к оживлению промышленности, не создала «среднего класса» и ничего не дала бюджету, правительство летом 1994-го объявило о переходе ко второму — «денежному» этапу приватизации.

За счет приватизации планировалось получить в бюджет 1995 года более 8 триллионов рублей (весь дефицит бюджета составлял 50 триллионов). Таких поступлений можно было ожидать только от продажи высокоприбыльных предприятий, каковыми были нефтяные компании, однако Государственная дума исключила «стратегическую» «нефтянку» из плана приватизации. Распродажа госсобственно-

сти за «живые» деньги порождала злоупотребления. Чиновники поговору с покупателями занижали цены и устраняли от конкурсов нежелательных конкурентов. Вместо честных аукционов устраивались фиктивные. Отдельные особенно вопиющие случаи получали скандальную известность. Так, Краснодарская табачная фабрика была продана за 60 млн долларов, хотя почтенная зарубежная фирма предлагала 167 млн. Чиновники, причастные к проведению аукционов, наживали крупные состояния, казне перепали крохи.

Доходы от приватизации к концу августа 1995 года едва достигали 500 млрд рублей (6% плана, бюджет горел синим пламенем). Чтобы спасти бюджет и обойти запрет Госдумы, решено было реализовать идею «залоговых аукционов», высказанную главой ОНЭКСИМ-банка Владимиром Потаниным еще в марте. Суть идеи заключалась в том, что коммерческие банки выдают правительству кредиты под залог акций высокоприбыльных предприятий. По истечении известного срока правительство должно было организовать конкурс по продаже заложенных акций и либо вернуть кредит, либо передать акции в полную собственность кредитора. Механизм был прост, изящен и юридически безупречен.

Всего было проведено двенадцать залоговых аукционов, но только в четырех крупнейших цена передаваемого в залог пакета устанавливалась выше 100 млн долларов. Банк ОНЭКСИМ выдал правительству в кредит 170 млн долларов под залог 38% акций «Норильского никеля» и 130 млн — под залог 51% акций нефтяной компании «Сиданко». Банк МЕНАТЕП выдал правительству 159 млн долларов под залог 45% нефтяной компании «ЮКОС» и вместе со «Столичным банком сбережений» — 100 млн за 51% акций «Сибнефти».

Счетная палата, находившаяся под контролем оппозиционной Государственной думы, проанализировав механику проведения залоговых аукционов, призвала законодателей признать сделки «притворными» и, соответственно, юридически ничтожными. Но тут выяснилось, что договоры составляли юристы банков, не зря получающие высокое жалованье. Отменить сделки было невозможно без больших потерь — финансовых и репутационных — для власти. Правительство даже не предусматривало средств для возврата кредитов в бюджете 1996 года. У него были другие заботы. Как писал позднее Анатолий Чубайс, «170 млн в декабре 1995 года — это были ого-го-го какие деньги. Это был какой-то абсолютно невероятный прорыв в то вре-

мя... Деньгами, полученными от залога «Норильского никеля», мы мгновенно заткнули кучу бюджетных проблем. И в первую очередь дыры по зарплатам».

Ради латания бюджетных дыр государство пользовалось и более рискованными приемами. 11 октября 1994 года курс рубля вдруг упал на валютной бирже более чем на 30%. Президент объявил «черный вторник» результатом диверсии и «попыткой финансового путча». Совету безопасности было отдано распоряжение найти диверсантов. Диверсантов не нашли. И немудрено, поскольку главным «диверсантом» и подлинным виновником «черного вторника» был Центробанк, позволивший «обвалить» рубль, чтобы скупить побольше «дешевых» рублей и расплатиться с частью бюджетных долгов. Уже 13 октября курс вернулся к докризисной отметке.

Отдельные граждане обогащались при помощи чистого мошенничества. Бесчисленные «банки» и «страховые компании» одну за другой выстраивали финансовые «пирамиды», сказочно обогатившие учредителей, доставившие умеренный доход первым вкладчикам и вчистую разорившие миллионы припозднившихся доверчивых «партнеров». Весьма значительную роль в создании крупных частных капиталов играли льготные кредиты и таможенные льготы, которыми ведавшие их раздачей чиновники одаривали, разумеется небескорыстно, доверенных предпринимателей.

В результате залоговых аукционов бизнес-ландшафт России радикально изменился. Выделилась группа сверхбогатых предпринимателей, получивших широкие возможности влиять на политические решения и не совсем точное наименование «олигархов». Среди них ведущее положение занимали Рэм Вяхирев («Газпром»), Владимир Гусинский (Группа «Мост»), Вагит Алекперов (ЛУКОЙЛ), Борис Березовский (Логоваз), Владимир Потанин (ОНЭКСИМ-банк), Михаил Ходорковский (банк МЕНАТЕП), Александр Смоленский («Столичный банк сбережений»).

Глава Госкомимущества Альфред Кох не скрывал, что «на ваучерном этапе приватизации мы сами создали некий искусственный спрос», а «на денежном этапе спрос, напротив, был ограничен, так как денег было немного, и потому нужна была индивидуальная работа с каждым покупателем». Шахматист Гарри Каспаров довольно точно описал результат этой «индивидуальной работы», сказав, что «в России существуют только назначенные собственники».

Рядовые граждане, впрочем, тоже вполне успешно обустроились в новой реальности. Исследования социологов показывали, что группа, не мыслящая жизни вне патерналистско-эгалитарной системы общественных отношений, перестала численно расти. «Советского» идеала крепко держалась приблизительно треть населения. Около 20% российских граждан придерживались радикальной либерально-индивидуалистической идеологии, ни в коем случае не желая возврата к советскому прошлому и рассчитывая только на собственные силы. Около половины относились критически к сложившейся реальности, но в то же время не желали и реставрации прежних порядков. В 1995 году, по социологическим опросам, 70,6% россиян ставили политическую и гражданскую свободу выше материального благополучия. Большинство рассчитывало на улучшение своего положения в рамках нового порядка в ходе его естественной эволюции.

Власти, однако, решили укрепить свои позиции, заручившись поддержкой «патриотического электората», и привлечь на свою сторону «державников» с помощью «маленькой победоносной войны». 11 декабря 1994 года российские войска были введены в Чечню.

Кавказский узел

Основания конфликта федеральных властей с чеченскими были заложены еще в 1990 году, когда Общенациональный конгресс чеченского народа (род народного фронта) во главе с популярным летчиком генералом Джохаром Дудаевым провозгласил своей целью полную независимость Чечни и выход ее из состава не только СССР, но и РСФСР. Воспользовавшись провалом московского августовского путча 1991 года, Дудаев взял власть в свои руки, распустив Верховный совет республики во главе с Доку Завгаевым, занявшим осторожную позицию в отношении ГКЧП. В этот период успехам Дудаева содействовали российские руководители, прежде всего Бурбулис и Хасбулатов, рассчитывавшие использовать генерала как еще один инструмент в борьбе с Горбачевым и союзной номенклатурой. Осенью 1991 года после исчезновения «союзного центра» российские власти оказались лицом к лицу с сепаратистским анклавом, элита которого уже почувствовала экономические выгоды независимости (за счет спекулирующей российской нефтью, поступающей на перерабатывающие заводы в

Чечне). Достижение компромисса на основании предоставления Чечне особого статуса в рамках федерации было, однако, вполне возможно. Подобный договор был успешно заключен с Татарстаном, который так же, как и Чечня, отказался в 1992 году подписать Федеративный договор на общих основаниях. Дудаев рассчитывал уладить дело в ходе личных переговоров с Борисом Ельциным. Но российский президент, доверившись своим советникам — плохим знатокам кавказских нравов, — посчитал ниже своего достоинства лично встретиться с чеченским лидером. Генерал обиделся — коса нашла на камень.

Пострадавшими оказались ни в чем не повинные рядовые граждане — русские и чеченцы. Русские, составлявшие значительную часть населения северной равнинной Чечни, стали подвергаться вытеснению, их подозревали в нелояльности к новой чеченской власти. Федеральный центр фактически установил экономическую блокаду Чечни. Режим Дудаева зашатался. В 1993 г. против Дудаева составлялась уже довольно влиятельная коалиция чеченских кланов. Считалось, что дни его правления сочтены. И тут главные «специалисты по Кавказу» в российском правительстве — советник президента Сергей Шахрай и министр по делам национальностей Николай Егоров — решили ускорить дело. В ночь на 28 ноября танковая колонна чеченской «оппозиции», полностью укомплектованная российскими офицерами, завербованными Федеральной службой безопасности в подмосковных дивизиях, была разгромлена при попытке войти в Грозный. Вмешательство российских спецслужб в чеченские дела вышло наружу. Дудаев сделался национальным героем, чеченское общество сплотилось вокруг своего защитника. Опростоволосившимся российским инициаторам акции ради собственного спасения не оставалось другого пути, как попытаться спрятать концы в воду, развязав большую войну.

10 декабря Егоров потребовал, чтобы Дудаев «прибыл в Моздок для подписания акта о сдаче оружия». Генерал, естественно, отказался, на что и был расчет, и тогда 11 декабря российские войска были введены в Чечню для «разоружения незаконных формирований и восстановления конституционного порядка» в соответствии с *секретным* указом президента (Российская конституция допускает использование армии на российской территории только в случае введения чрезвычайного положения, которое должен утвердить парламент). Борис Ельцин, подписав указы, скрылся в больнице «для операции на носовой перегородке».

Министр обороны бравый десантник Павел Грачев уверял, что дело будет решено в кратчайшие сроки «одним парашютно-десантным полком». На чем основывались эти хлестаковские заявления, неясно по сей день. Российские войска, в составе которых были необученные солдаты-первогодки, встретив стойкое и профессионально организованное сопротивление, терпели одну неудачу за другой. Особенно тяжелые потери понесли федеральные войска, брошенные на отчаянный штурм Грозного в новогоднюю ночь.

Командование федеральных войск всю использовало единственное свое бесспорное преимущество — в авиации. При бомбежках и ракетных ударах во множестве гибли мирные жители. Все большее число чеченцев, даже и не сочувствовавших первоначально Дудаеву, уходили в горы, мстить за погибших родственников. К осени 1995 г. в Чечне погибли и пропали без вести более 5000 солдат Российской армии. Потери боевиков неизвестны. Мирных жителей, по неполным данным общественных правозащитных организаций, погибло около 100 000 человек. Партизанская война принимала афганские масштабы.

Победить в такой войне, как показывает опыт последнего столетия, регулярная армия не может. Тем не менее в январе 1995 г. российские генералы рапортовали Верховному главнокомандующему, что «конституционный порядок» в Чечне восстановлен, осталось будто бы произвести окончательную «зачистку» от отдельных уцелевших «бандитов». Сепаратисты тем временем добивались своих целей, нанося болезненные террористические удары по мирным российским жителям, и время от времени предпринимали крупные диверсии, показывая собственную силу. В июне крупный отряд боевиков под командой Шамиля Басаева захватил больницу в Буденновске; в январе 1996-го отряд Салмана Радуева беспрепятственно вошел в дагестанский город Кизляр и на обратном пути взял в заложники жителей целого села Комсомольское; в марте чеченские войска на три дня демонстративно отбили у «федералов» Грозный.

Существование свободной, во всяком случае, неподконтрольной властям, прессы не позволяло чиновникам слишком безоглядно врать об «успехах». Пресса служила средством организации и мобилизации общественного мнения. После Буденновска возмущение страны достигло точки кипения. По почину коммунистической фракции Государственная дума начала обсуждать возможность импичмента — отставки президента. Думе пригрозили, что она будет распущена, и, не

желая повторять конфронтации 1993 года, палата ограничилась востумом недоверия правительству. Путем сложных закулисных переговоров Ельцину удалось сохранить на посту премьера Черномырдина, но «силовые» министры были отправлены в отставку.

Чеченская авантюра завершилась и полным политическим провалом: «державников» власть на свою сторону не привлекла, а либералов отпугнула. Кризис доверия существующей власти ярко обнаружился на думских выборах в декабре 1995 г. Попытки кремлевской администрации выстроить «партию власти» — псевдополитическую структуру для лоббирования в законодательном органе собственных интересов в условиях свободной политической борьбы — успехом не увенчались. Предвыборный блок «Наш дом — Россия» (народное название «Наш дом — Газпром»), возглавляемый премьером Черномырдиным, единственный из трех таких новообразований, с трудом перешагнул избирательный барьер, набрав 9,8% голосов. Сильные позиции в Думе заняла оппозиция: коммунистическая — КПРФ (22,3 %), националистическая — ЛДПР (11,6%), и социал-демократическая — «Яблоко» (6,9%).

К исходу 1995 г. рейтинг популярности Бориса Ельцина политтехнологи «искали с микроскопом». По самым оптимистическим оценкам, главе государства доверяли не более 5%. К весне он и вовсе опустился до уровня «погрешности» социологических опросов. Ближайшие сотрудники президента — начальник охраны Александр Коржаков и ответственный за чеченскую кампанию Олег Сосковец — предлагали вовсе отменить выборы. Став достоянием гласности, этот план окончательно подорвал кредит доверия президенту, при всех обстоятельствах подчеркивавшего свою приверженность демократии. Тем не менее тяжелобольной Борис Ельцин объявил о своем твердом намерении участвовать в президентских выборах в июне.

Решение это не было простой прихотью или результатом неумеренного властолюбия. Другого кандидата у «партии власти» просто не было. Высокую вероятность приобретала победа лидера коммунистов Геннадия Зюганова, не сулившая ничего хорошего функционерам «антинародного режима», как выражался тогда лидер коммунистов. Перед лицом такой опасности вокруг президента сплотились «олигархи».

Семь крупнейших российских предпринимателей, контролировавших примерно половину российской экономики, на Всемирном экономическом форуме в швейцарском курортном городке Давосе

приняли решение оставить взаимные несогласия и бросить все материальные и информационные ресурсы для обеспечения победы Ельцина. Примирились даже заклятые дотоле враги Владимир Гусинский и Борис Березовский. Злые языки немедленно окрестили союз «семи-банкирщиной», по аналогии с «семибоярщиной» времен Смуты.

Битва при Связынвесте

Победа досталась Ельцину ценой чрезвычайных усилий и только во втором туре. Первый тур 16 июня основные противники «сыграли» по существу, вничью (35,28% голосов было подано за Ельцина, 32,03 — за Зюганова). За две недели между первым и вторым туром Борис Ельцин успел проделать два неожиданных маневра, очередные «загогулины», как он сам выражался: отправить в отставку Коржакова и Сосковца, а третьего «призера» первого тура генерала Лебеда привлечь в свою «команду» на должность секретаря Совета безопасности (председателем числился сам президент). Второй тур 4 июля Ельцин выиграл с внушительным отрывом (53,8% против 40,3).

Политическое «чудо» выращивания рейтинга главы государства практически от нуля до победы, имевшее простое объяснение (выбирать российские граждане опять должны были «из двух зол»), «олигархи» приписали собственным усилиям и потребовали благодарности. Сразу после выборов Владимир Потанин получил должность первого вице-премьера, Борис Березовский стал заместителем секретаря Совета безопасности, Анатолий Чубайс занял ключевой в российской властной системе пост руководителя президентской администрации, где велась разработка всех стратегических законопроектов и готовились основные кадровые назначения.

Победа едва не оказалась пирровой. Сердце президента не выдержало напряжения избирательной кампании, и в ноябре он вынужден был лечь в больницу. Оправившись от тяжелой операции, Борис Ельцин решительно взял бразды правления в свои руки и в марте 1997 г. устроил капитальную перетряску кабинета министров. Первыми вице-премьерами под прикрытием бессменного «политического тяжеловеса» Черномырдина стали Анатолий Чубайс и Борис Немцов. Остальные ключевые должности в Кабинете также заняли либералы. Все говорило о том, что Борис Ельцин, оставив суетные заботы о сохранении власти, решил посвятить второй срок завершению тех ре-

форм, символом которых он стал в эпоху «бархатной революции» 1991 года.

Программа «Кабинета молодых реформаторов» в существенной части была подготовлена гайдаровским Институтом экономических проблем переходного периода. Окончательный вариант программы, утвержденный президентом, получил название «семь главных дел», по числу основных стратегических направлений деятельности правительства.

Первым делом надлежало ликвидировать долги бюджета по заработной плате. Деньги предполагалось получить с 15 крупнейших предприятий — должников казны, не останавливаясь перед доведением должников до банкротства.

На втором месте стояло в правительственном плане сокращение расходов государства. Этой цели должны были служить реформа систем социального обеспечения. Льготы и пособия впредь должны были получать адресно только действительно нуждающиеся. Кроме того, предполагалось урезать расходы на содержание Вооруженных сил и государственного аппарата.

Далее значились меры, долженствующие вызвать подъем экономической активности: понижение налоговых ставок, реформирование «естественных монополий» (Газпром, энергосистема страны, железнодорожное ведомство), снижение доходности государственных краткосрочных обязательств (ГКО), служивших источником сверхдоходов банков, кредитовавших таким образом правительство под непомерно высокие проценты, дабы направить средства в реальный сектор экономики.

«Молодые реформаторы» решительно взялись за дело. 28 апреля президент утвердил указ о проведении реформы жилищно-коммунального хозяйства. Жилье, расходы на содержание которого пользователи, в том числе и вполне обеспеченные, оплачивали только на 27%, предполагалось сделать самокупающимся к исходу 2003 г. Льготы предполагалось оставить только истинно нуждающимся. Были сделаны решающие шаги к развязыванию «чеченского узла». В марте Москва позволила провести реальные выборы в Чечне, на которых победу одержал лидер «договоропригодных» боевиков Аслан Масхадов. 12 апреля он подписал с президентом России мирный договор, которым стороны обязывались руководствоваться во взаимных отношениях принципами, регулирующими отношения между суверенными государствами, и воздерживаться от применения силы при решении спорных вопросов.

Трудности ожидали реформаторов прежде всего в финансовой сфере. Им удалось в кратчайшие сроки погасить долги государства перед пенсионерами и заморозить некоторые «популистские» статьи бюджета, рассчитанные на подкуп избирателей во время избирательной кампании, но неисполнимые по существу.

Однако денег в доходной части бюджета катастрофически не хватало. Налоговые послабления, рассчитанные на выход части предпринимателей «из тени», могли принести ощутимые результаты только через несколько лет. Ради ускоренного латания бюджетных дыр решено было прибегнуть к продаже государственных пакетов акций наиболее привлекательных для потенциальных инвесторов предприятий.

25 июля состоялся самый крупный аукцион в российской истории. На продажу были выставлены 25% акций компании Связьинвест — тогда монополии в сфере телекоммуникаций и телефонной связи. Победу одержал «кипрский» банковский консорциум Mustcom Ltd., который составили ОНЭКСИМ-банк, Дойчебанк и американский финансист Джорж Сорос. Консорциум выложил за акции 1,855 млрд долларов. Второй претендент на Связьинвест — финансовая корпорация «Альфа», партнерами которой выступали медиамагнаты Борис Березовский (крупный акционер и фактический владелец канала ОРТ) и Владимир Гусинский (глава холдинга «Медиа-Мост», которому, в частности, принадлежал канал НТВ) предложил меньшую сумму, будучи уверенным, что Владимир Потанин (владелец ОНЭКСИМ-банка) будет действовать согласно достигнутым некогда договоренностям: а в 1996 году при заключении «давосского перемирия» Связьинвест был обещан Владимиру Гусинскому.

Владимир Потанин публично признал, что незадолго до проведения аукциона он вновь встречался с Анатолием Чубайсом, Борисом Березовским и Владимиром Гусинским. На этой встрече, по его словам Гусинский и Березовский предложили группе ОНЭКСИМ-банка не вступать в конкурентную борьбу, а достигнуть «договоренности, в результате которой пакет акций мог быть приобретен практически по стартовой стоимости». По утверждению Потанина, ОНЭКСИМ-банк от предлагаемой договоренности отказался. Проигравшие аукцион, однако, были убеждены, что ОНЭКСИМ нарушил данное обещание.

«Молодые реформаторы», стремившиеся выстроить новые отношения и разорвать зависимость власти от крупного бизнеса, стали на защиту аукциона. Борис Немцов назвал аукцион «примером честной

приватизации» и сожалел о том, что «вместо того, чтобы успокоиться, проигравший устроил истерику».

Конфликт вылился в длительную «информационную войну», которую медиамагнаты повели теперь уже не против конкурента, а против «молодых реформаторов» в правительстве. Первым залпом начавшейся войны стала опубликованная 4 августа в «Новой газете» статья Александра Минкина «Я люблю, когда тарелки очень большие», в которой вице-премьер правительства и глава Госкомимущества Альфред Кох обвинялся в получении взятки в форме гонорара за ненаписанную книгу о приватизации в России. 13 августа Кох ушел в отставку.

СМИ, принадлежавшие обиженным олигархам, не унимались. Продолживший свои изыскания Минкин быстро выяснил, что соавторами Коха были практически все ведущие «молодые реформаторы». 28 октября в интервью газете «Коммерсантъ» Анатолий Чубайс подтвердил, что для подготовки фундаментальной монографии о развитии частной собственности в России был собран «коллектив, который, собственно, и занимался созданием частной собственности в нашей стране: Чубайс, Мостовой, Бойко, Казаков, Кох...».

Прокуратура занялась расследованием «дела писателей». Не дожидаясь окончания расследования, президент решил избавиться от сотрудников с подпорченной в глазах общественности репутацией. 13 ноября был отправлен в отставку заместитель главы президентской администрации Александр Казаков. На следующий день уволены еще два незадачливых «писателя» — бывший глава Госкомимущества Максим Бойко и руководитель Федеральной службы по несостоятельности Петр Мостовой. Анатолий Чубайс 20 ноября лишился поста министра финансов, но его отставку с поста вице-преьера президент не принял.

Расследование «дела писателей» было прекращено в 1999 г. по амнистии. Тогда же в издательстве «Вагриус» вышла книга «Приватизация по-русски» — ценное пособие для историков. Но это уже не имело никакого значения.

Ближайшим результатом «битвы при Связьинвесте, как окрестили информационную войну некоторые журналисты, были раздрай в стане «олигархов» и крушение правительства «молодых реформаторов».

Побочным, но не менее важным следствием «информационной войны» стало «грехопадение» СМИ. Телеканалы и органы печати, уже завоевавшие доверие полнотой и достоверностью поставляемой ин-

формации и рассматривавшиеся страной как каркас нарождающегося «гражданского общества», были очевидным образом использованы владельцами для достижения частных экономических и политических целей. Медиамагнаты продемонстрировали, что для них СМИ не бизнес, но средство манипулирования общественным мнением, инструмент неформальной, неизбираемой политической власти. Значительная часть российского общества готова была смириться с экономическими трудностями ради гражданских и политических свобод. Многообразие СМИ, представлявших интересы различных групп, и в совокупности дававших полную свободу выражения любого мнения, считалось едва ли не главным достижением «эпохи Ельцина». Теперь общественное доверие СМИ было подорвано в корне. В ходе политической борьбы после разразившегося в 1998 году финансового кризиса эти результаты «информационной войны» сыграли роковую роль.

Дело семейное

23 марта 1998 года Борис Ельцин отправил в отставку премьер-министра Виктора Черномырдина и вице-премьера Анатолия Чубайса. Никаких внятных комментариев по этому поводу дано не было, и страна была уверена, что это очередная причудливая «загогулина», президентский каприз. Через несколько недель только выяснилось, что президентский указ был реакцией на провал экономической политики правительства, поставившей государство на грань банкротства. Новый премьер — 36-летний Сергей Кириенко, лишь с третьего раза утвержденный Думой, представил программу жесткой финансовой политики, главными элементами которой были повышение налогов и сокращение государственных расходов. Программа была подвергнута радикальной критике «слева» в Государственной думе. «Справа» борьбу на уничтожение Кириенко повели «олигархи». Подконтрольная им пресса аттестовала молоджавого премьера не иначе как «киндер-сюрпризом».

Правительство, не имея надежной поддержки, было лишено возможности действовать решительно. Финансовая катастрофа началась 13 августа обвальным падением рынка российских ценных бумаг и достигла пика 17 августа, когда правительство приостановило выплаты по внешним долгам и объявило о переоформлении внутренне-

го долга. «Пирамида» государственных краткосрочных обязательств (ГКО), в течение нескольких лет создававшая видимость финансового благополучия, рухнула в одночасье, рубль был девальвирован на треть, курс упал с 6 до 9,5 рубля за доллар.

В стране началась паника, усилившаяся после отставки Кириенко, последовавшей 24 августа. Курс рубля к доллару тут же упал снова, на сей раз сразу втрое, взлетели оптовые и розничные цены, большинство банков прекратили операции. В обстановке финансового хаоса жизненный уровень граждан вернулся к показателям начала 1992 года.

Борис Ельцин представил Думе в качестве «нового» премьера Виктора Черномырдина. В обращении к гражданам России президент мотивировал свой выбор необходимостью «обеспечить преемственность власти в 2000 году». Ни для кого, однако, не было секретом, что «преемственность власти» на предстоящих президентских выборах необходима была президенту не только ради продолжения реформ. «Преемственность» была необходима ему и ради сохранения положения «семьи» — политической группировки, состоящей из родственников президента, доверенных бизнесменов и чиновников. Сам Ельцин служил для нее скорее ширмой, активную роль играла в становлении «семейного дела» дочь президента Татьяна Дьяченко. Влиятельным членом и «серым кардиналом» «семьи» числился Борис Березовский. Входил в нее и муж другой президентской дочери Валерий Окулов, избранный в марте 1997 года на пост генерального директора крупнейшей российской авиакомпании «Аэрофлот».

Виктор Черномырдин, которого президент рекомендовал стране «политическим тяжеловесом», безусловно, был подходящим кандидатом, чтобы, как выразился президент, «обеспечить стабильность». Но Дума «нового старого» премьера решительно отвергла. В команде президента начался раздрай. Часть ближайших сотрудников стала лоббировать кандидатуру московского мэра Юрия Лужкова. Но было очевидно, что российский премьер накануне выборов приобретает гигантский «административный ресурс», гарантирующий ему победу на президентских выборах, если он пожелает этим ресурсом воспользоваться. От Лужкова и его московской команды «семья» ничего хорошего ожидать не могла, и сторонники Лужкова — пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский и секретарь Совета безопасности Андрей Кокошин — были с позором отправлены в отставку.

Думе был представлен другой «политический тяжеловес» — министр иностранных дел Евгений Примаков. Дума с восторгом утвердила «государственника со славным советским прошлым». Первым заместителем председателя правительства, непосредственно отвечающим за экономическую политику, был назначен выдвинутый коммунистической фракцией бывший председатель советского Госплана Юрий Маслюков. Группировавшиеся вокруг Маслюкова «крепкие хозяйственники» советской закалки начали поворачивать страну в сторону «социально ориентированной» «реальной экономики», утверждая, что всякий рынок нуждается в «направляющей руке». Правительство Примакова—Маслюкова, впрочем, не успело совершить ничего губительного для рынка. Вскоре стали сказываться результаты оздоравливающего влияния на экономику девальвации рубля, совершенной правительством Кириенко. Экономическое положение страны быстро улучшалось. Социалист Примаков пожинал плоды трудов «монетариста» Кириенко. Популярность Примакова росла.

Примаков между тем начал сближение с левым большинством Государственной думы и повел решительное наступление на «олигархов», включая принадлежащих к кругу «семьи». Генеральная прокуратура в конце 1998 года завела по его почину несколько уголовных дел против компаний, тесно связанных с Борисом Березовским. «Семья» ответила выбросом в публику убийственного компромата. Несколько телеканалов продемонстрировали видеозапись, где «человек, похожий на генерального прокурора» Юрия Скуратова, развлекался в компании девиц явно предосудительного поведения.

Указом президента Скуратов был отстранен от должности, но Совет Федерации — верхняя палата российского парламента, в компетенцию которого входило назначение и снятие генпрокурора, отказался исполнить волю президента. Напрасно глава Федеральной службы безопасности В.В. Путин и министр внутренних дел С.В. Степашин доказывали правомерность смещения прокурора. Рейтинг Бориса Ельцина в стране резко пошел на убыль. Государственная дума вновь возбудила вопрос об отставке заматавшего президента. Евгений Примаков почти не возражал.

Это обстоятельство переполнило чашу терпения президента, и он 12 мая 1999 года отправил Примакова в отставку. Оскорбившийся Евгений Максимович бросился в объятия Юрия Лужкова и объявил о своей готовности участвовать в президентских выборах. Московский

мэр метил на менее хлопотную, но более хлебную должность бессменного премьера.

«Семейные» интересы пришли в столкновение с интересами могущественных финансово-промышленных групп, как федеральных, так и крупнейших региональных. Выбор «преемника» для Бориса Ельцина все более усложнялся и наконец свелся к выбору кого-либо из «людей в погонах», на первый взгляд не связанных ни с какими «олигархическими» группировками. 19 мая деморализованная провалом импичмента Дума безропотно утвердила на должности премьера Сергея Степашина. В помощь ему правительство было усилено членами «семейного» клана, первым вице-премьером был назначен выходец из окружения Березовского Николай Аксененко.

«Мягкий силовик» Степашин получил в качестве испытательного срока всего три месяца. В августе после вторжения банд Басаева и Хаттаба в Дагестан, в борьбе с которыми федеральные силы обнаружили полную беспомощность, Степашин был отправлен в отставку. 16 августа премьер-министром был назначен глава Федеральной службы безопасности Владимир Пуган.

Страна, уставшая от калейдоскопической смены премьеров, не придавала большого значения тому, что в первом же публичном выступлении новый глава Кабинета объявил о готовности подчиниться воле Бориса Николаевича Ельцина и, в целях сохранения политической стабильности, баллотироваться в президенты. Нового премьера воспринимали как скоропреходящую политическую фигуру.

Невзрачный и немногословный премьер, однако, обнаружил настоящий талант. В течение двух месяцев ему удалось, в чем немалую подмогу оказал ему телеканал ОРТ, вызвать в стране античеченскую истерику и соблазнить страну возможностью быстрого силового решения чеченской проблемы. Вторая чеченская война, под псевдонимом «антитеррористической операции», была встречена почти всеобщим восторгом. Рейтинг премьера, пообещавшего террористов «мочить в сортире», ко времени думских выборов в декабре достиг небывалых прежде высот, ему доверяло до 70% граждан.

В новогоднюю ночь 31 декабря 1999 года Борис Ельцин преподнес стране сюрприз. Поздравив «дорогих россиян» с наступающим новым годом президент объявил о своей досрочной отставке. Глава правительства В.В. Путин в полном соответствии с Конституцией приступил к исполнению президентских обязанностей.

Ошарашенные телезрители застыли с бокалами шампанского. Гадали, чего ожидать от симпатичного, но малознакомого полковника государственной безопасности, щедро сдабривающего свою речь, внешне выдержанную в духе экономического либерализма, державной риторикой. Чокались и выпивали с разными чувствами. Ликовал Борис Березовский, только что виртуозно исполнивший операцию по введению в Думу новой партии власти — специально под Путина сконструированных «медведей» (Межрегиональное движение «Единство»). Сомневаться в благодарности будущего президента — верного преемника Ельцина и защитника дела «семьи» — не было никаких причин. Кусали локти недавние компаньоны Березовского в попытке овладеть «Связьинвестом». Они все поставил на Лужкова и проиграли: лихой «телекиллер» Сергей Доренко, получив полную свободу действий на ОРТ Березовского, в два месяца успешно «замочил» московского мэра с его «Отечеством». А ведь если бы осенью 1997-го компаньоны держались чуть скромнее, не поставь они целью своротить совокупными усилиями правительство «молодых реформаторов», преемником Ельцина вполне мог бы стать простодушный и «предсказуемый» Борис Немцов, в свите которого уж точно не нашлось бы места неприемлемым «людям в штатском».

Но кто же станет в новогоднюю ночь ломать голову над подобными политическими «загогулинами»? С Новым годом — с новым счастьем!

Подробнее на эту тему:

Бургин Ю.Г. Новый строй. О номенклатурном капитализме. М., 1995.

Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1997.

Нисневич Ю.А. Российский транзит // Постзападная цивилизация. Либерализм: прошлое, настоящее и будущее. М., 2002.

Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система и реформы // Pro et contra. 1999. № 4.

Приватизация по-русски. / Под ред. А.Б. Чубайса. М., 1999.

Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985—2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.

Ясин Е.Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ.